

Информация об авторе

Кремлев Николай Дмитриевич (г. Курган, Россия) – кандидат экономических наук, профессор Курганского государственного университета (640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25; e-mail: Kremlew.nic@mail.ru).

Kremlyov N.D.

NARODOSBEREZHENIE AS A BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION DURING THE PERIOD OF NON-STABILITY (ON EXAMPLE OF KURGAN REGION)

Abstract. *The author expresses personal views about the political factors of sustainable growth and reproduction of the population in modern Russia.*

Keywords: power, security, sociology, ecology, economics, crisis, narodosberezhenie, the means of production.

Information about the author

Kremlyov Nikolay Dmitrievich (Kurgan, Russia) – PhD in Economics, Professor of Kurgan State University (25, Gogol St., Kurgan, 640000, Russia; e-mail: Kremlew.nic@mail.ru).

УДК 314.1

Кузьмин А.И., Кузьмина А.А., Ланских В.Н.

ВЛИЯНИЕ ДЕФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ*

Аннотация. *Предпринимается попытка интерпретировать последствия снижения рождаемости в уральских семьях с позиции теории третьего демографического перехода и его последствий для регионов России.*

Ключевые слова: население, семьи, домохозяйство, репродуктивное поведение, демографическая политика, мотивы рождаемости, демографический переход, «русский крест».

После завершения бурного XX века размеры естественной убыли в регионе стали заметно сокращаться. Переломные тенденции в сокращении размеров уральской депопуляции обозначились лишь в период 2006–2008 гг., причем как в городской, так и в сельской местностях. В конце концов, эта тенденция распространилась на всю территорию УрФО. В 2011–2012 г. имел место заметный рост общей рождаемости и снижение вала смертности [1, 2]. Во многом «антидепопуляционный эффект» был результатом не только роста общего уровня рождаемости, но и снижения уровня смертности от потери младенческой смертности («нулевичков»), а также снижения потерь населения по причине сокращения случаев убийств и самоубийств. При этом, к сожалению, не прекратился рост ВИЧ-инфицированных и распространение современных трудноизлечимых форм туберкулеза, употребления наркотиков различного вида. К тому же, усилилась скрытая трансмиссия возбудителей заболеваний населения в результате мощного притока иностранной рабочей силы в такие динамично

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №13-33-01028 а1 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

развивающиеся мегаполисы Урала, как Екатеринбург, Челябинск, Уфа, и в крупные города Уральского Севера).

Последовавший после завершения второго демографического перехода выход России из ситуации «русского креста» проявился не только в сокращении естественной убыли населения и в переходе к повышению естественного прироста населения, но и в последовательном росте величины суммарного коэффициента рождаемости начиная с 1999 по 2010 гг. Рост среднего числа детей произошел в УрФО с 1999 г., а в сельской местности – только с 2002 г. (рис. 1) [2].

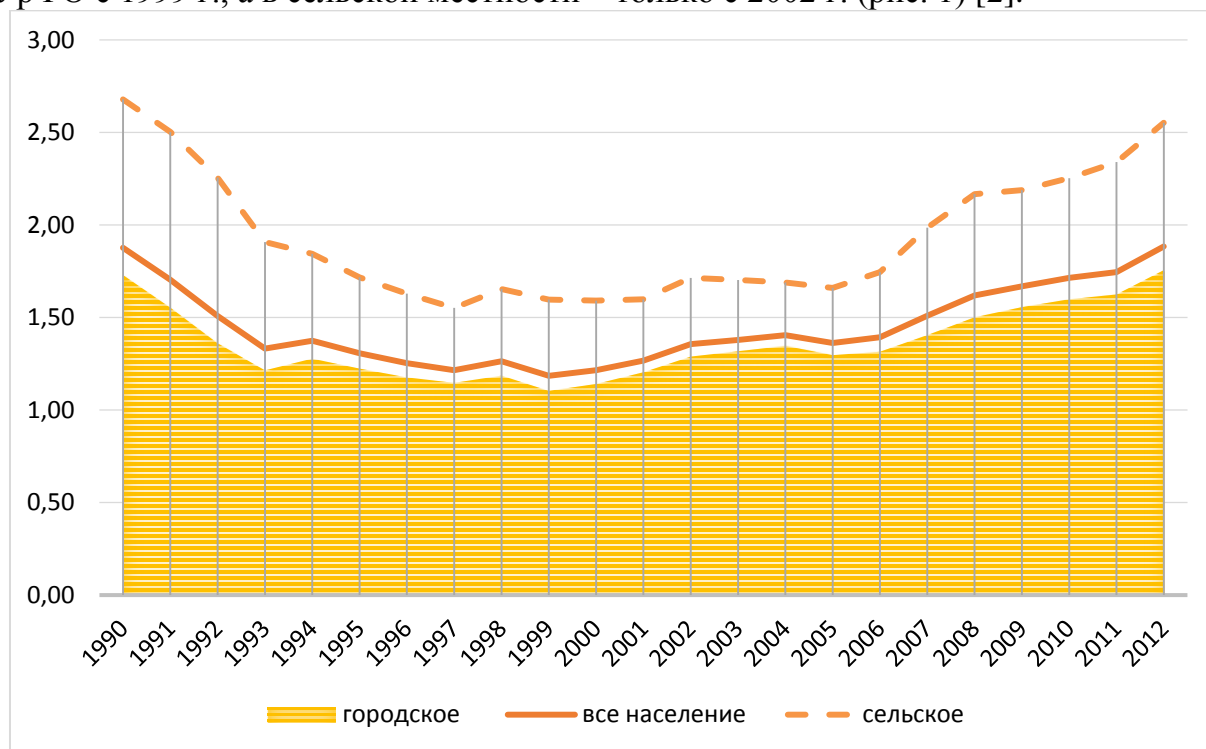

Рисунок 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения УрФО, 1990-2012 гг.

Конечно же, динамика суммарного коэффициента в Уральском федеральном округе не представляет собой нечто самостоятельное вне общероссийского тренда. Но четко обозначившаяся тенденция роста за 2001 – 2012-2013 гг. подтверждает практически полное возрождение уровня суммарной рождаемости в сравнении с ситуацией 1990 г. Особенно поражают данные по городскому тренду. Отчасти это подтверждает гипотезу активного формирования *новой модели рождаемости*. Таковая характеризуется влиянием постарения брачного возраста и сдвигом в сторону старших возрастных групп частоты живорождений.

Лишь отчасти заметно влияние на новую модель рождаемости факторов активной пронатальной политики государства, а также тенденций миграции. Тенденция сдвига в календаре рождений под влиянием трансформации брака пришла в Россию из Европы не сразу. В связи с этим обстоятельством нельзя не отметить тенденции роста суммарной рождаемости после миллениума в Центральной, Южной и Восточной Европе в целом. На этот факт обращают внимание Дж. Бонгаартс и Т. Соботка. В своем обзоре тренда суммарной рождаемости исследователи отметили, что европейские страны (в том числе страны Восточной Европы и Россия) испытали увеличение суммарной

рождаемости (СКР). После обсуждения проблемы периода роста рождаемости и вклада в нее различных когорт женщин Дж. Бонгаартс и Г. Фини указали на полезность нового показателя – поправки на темп и паритет с поправкой на общий коэффициент рождаемости ($TFR_p *$) или « $TFR = TFR * (1-c)$ » [3, р. 274-275]. Второе замечание было высказано позже и было более жестким. Дело в том, что рост суммарной рождаемости продолжался и во времена кризиса в период затяжной глобальной экономической рецессии [4, р. 270-271]. А третье заключалось в том, что второй демографический переход в «посткоммунистических странах» был более депрессивным по спаду рождаемости (Украина, например, достигла в среднем 1,1 живорождения в расчете на женщину условного поколения), за исключением таких стран, как Албания и Сербия-Монтенегро, в которых показатель « $TFR-СКР$ » удержался на уровне 2,00 -1,75 [5, р. 221].

Однако величина флуктуаций кумулятивной рождаемости в Европе и в России оказалась в условиях малодетности весьма значимым фактором. Итак, на данном этапе демографического перехода в Восточной Европе и в России явно усиливается значение фактора перестройки института брака наряду с возросшим влиянием на процесс воспроизводства населения миграционных процессов и конурбанизации. Данный процесс проявляется на безбрежных просторах России по-разному, что выделяет в указанном процессе значимость фактора региональных различий в условиях жизни населения и в его этнодемографическом составе и укладе жизни семей.

Если рассматривать процесс рождаемости в границах УрФО, то суммарная рождаемость на Среднем Урале была самой низкой даже в последнее время. Свердловская область не имела никаких шансов вырваться вперед по уровню рождаемости по сравнению с другими территориями округа, еще в 2009 г. ее показатели были ниже средних по Уральскому федеральному округу (1,546 против 1,617). Заметим, что суммарная рождаемость на Ямале в этом году составляла 1,799, а в ХМАО-Югре – 1,773 [6]. Обнаружило себя и отставание села по росту суммарной рождаемости. Рост суммарной рождаемости стал происходить с 2002 г., тогда как в городском населении – с 1999 г.

Парадоксально, что потенциал рождаемости на Урале исторически снизился (в 1970 г. он составил 48,0%, но степень его реализации в фактическом числе рождений была на уровне 54 %). В 1970 г. произошел первый и очень мощный удар по потенциалу рождаемости на Урале. Гипотетический минимум естественной рождаемости (ГМЕР) снизился до 47,3 ‰, а степень его реализации в общем числе родившихся уже тогда снизилась до 32,1%. В 1979 г. величина ГМЕР на Урале поднялась до 48,3‰, но степень реализации все же оставалась низкой – 35%. С учетом того, что потенциал рождаемости сократился, что подтверждается расчетами ГМЕР за межпереписной период 1989-2010 гг. как в городах, так и на селе, можно говорить о росте частоты фертильности в наиболее репродуктивных возрастных группах женщин. Величина реализации потенциала рождаемости на Урале выросла за 2002-2010 г. с 27 до 37% в целом (а на селе – даже до 40%). Следует отметить, что *рост реализации гипотетического минимума естественной рождаемости на Урале произошел именно за период 2002–2010 гг.*

В границах УрФО «статистически» ожидаемое число родившихся в зарегистрированном браке по модели ГМЕР составило, по нашим расчетам, в год

проведения Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 г. 394,8 тыс. детей обоего пола. Статистика родившихся в УрФО у матерей в возрасте до 20 лет составила 17,2 тыс. чел. Внебрачная рождаемость – 44,8 тыс. детей. Величина родившихся у матерей старше 50 лет не превысила 2‰. В итоге, статистически ожидаемое число детей по модели ГМЕР должно было достигнуть 457,1 тыс. детей (37,8‰), или, с поправкой на рождаемость у пожилых женщин, – 38,1‰. Общий коэффициент рождаемости составил в это время 14,1‰. Таким образом, степень реализации потенциала рождаемости по методике В.А. Борисова составила 37,1 %. [7, с.16]. Разница в числе неродившихся детей (23,9 ‰) падает в основном на аборты того или иного вида и лишь на 3-4‰ может быть обусловлена *контрацептивной защитой* женщины (супругов). Вероятность же стерилизации у мужчин на Урале практически ничтожна.

Спад потенциала рождаемости и степени ее реализации в фактическом числе детей в 1970 г. был очень серьезным предупреждением для безопасности демографической системы не только для Урала, но и для СССР в целом. Первый опыт серийного запуска пронатальных пособий для семьи, введение длительного послеродового отпуска и даже готовность правительства пойти по пути предоставления кредитов молодой семье с последующим погашением выплат родителей с учетом рождения первого и второго ребенка (в момент взятия кредита на жилье) позволили улучшить демографическую ситуацию. Естественно, что в период гайдаровских реформ рождаемость осталась без мер государственной поддержки, что привело к депопуляционному срыву.

Последовавшие на основе национальных проектов широкомасштабные государственные мероприятия по реализации стратегии «платного материнства» и выстраивания системы материнского (семейного) капитала в начале XXI века не смогли повысить потенциал рождаемости на Урале, который сократился до 38,1 ‰, но явно способствовали росту его реализации. Это обстоятельство спасло положение с общей рождаемостью и сократило масштабы открыто идущей депопуляции до размеров приемлемого «нулевого баланса» чисел родившихся и умерших. Это серьезный демографический аргумент, подтверждающий значимость семейной политики государства, хотя когортные показатели рождаемости вели себя неоднозначно в период 2006-2012 гг. Гипотетический минимум естественный рождаемости на Урале за период 2002–2010 гг. все-таки заметно снизился – до 38,1‰. Этому способствовал не столько рост рождаемости у молодых женщин, сколько выявленные тенденции повышения коэффициентов рождаемости в старших возрастных группах женщин репродуктивного возраста. Это обстоятельство (как и рост частоты живорождений именно в когортах женщин, которым далеко за тридцать) подтверждает гипотезу активного формирования новой модели рождаемости и активного влияния на нее факторов демографической политики, а также тенденций миграции.

К сожалению, стандарт естественной рождаемости по В. Борисову в современных условиях, скорее всего, *полностью не применим к оценке потенциала рождаемости из-за серьезного смещения в календаре рождений и сдвигах в моделях интергенетических интервалов современных поколений* (стандарт естественной рождаемости Борисова был предназначен для оценки ситуации исключительно в условиях СССР). Сегодня требуется корректировка ГМЕР в старших возрастных группах замужних женщин, как и самого понятия «состоит в

браке». Однако эти поправки, на наш взгляд, не затрагивают самой сути концепции исторического убывания потребности в детях у семьи и снижения репродуктивной мотивации в принципе под влиянием доминирования социально-психологических ценностей деторождения (А.И. Антонов) [8] и распространения норм «запланированного демографического поведения» (И. Айзен) [9].

Подростковая рождаемость на Урале продолжает падать с начала 90-х годов прошлого века (за исключением кризисных 2008-2009 гг.). Однако в 2012 г. намечился ее новый рост (особенно в Курганской и Тюменской областях). Данное обстоятельство вызвало рост показателей рождаемости в возрастах 15-17 лет.

Таблица 1

Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в молодых когортах женщин УрФО (число родившихся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте 15-17 лет), промилле

Регион УрФО	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Уральский федеральный округ	13,4	13,6	14,2	13,9	12,1	11,3	12,9
Курганская область	16,1	15,5	17,5	15,8	12,5	10,9	14,9
Свердловская область	14,3	14,7	15,6	14,7	13,3	11,9	13,3
Тюменская область (без АО)	12	12,8	12,7	13,6	11,5	10,7	11,5
Ханты-Мансийский АО-Югра	11	12	10,7	12,6	11,1	9,4	10,1
Ямало-Ненецкий АО	11	12,7	12	11,1	8,1	8,3	9,7
Челябинская область	13	12,6	13,4	12,7	11,3	11,5	13,5

Достаточно интересную картину изменения причин репродуктивного поведения населения дает анализ дифференциации рождаемости по возрастным группам женщин в интервале до 30 лет. Уже в 2010 г. в возрастной группе женщин 20–24 года частота рождений в Уральском федеральном округе (94,2‰) поднялась заметно выше частоты рождений в Центральном (78,7‰) и Северо-Западном (76,1‰) округах. В возрасте 25-29 лет изменения были еще заметнее (табл. 2).

По частоте рождаемости в возрастах женщин 20-29 лет УрФО опередил к 2012 г. все округа и сравнялся с Северо-Кавказским. В результате изменения модели рождаемости на территориях УрФО рост частоты новорожденных охватил и возраста женщин около сорока лет. Особенно заметно этот феномен был выражен в ХМАО-Югре (табл. 3).

Таблица 2

Динамика возрастных коэффициентов рождаемости у женщин репродуктивного возраста в федеральных округах России, число живорождений в расчете на 1000 женщин 25-29 лет в год

Федеральный округ	1990 г.	1993 г.	1994 г.	2000 г.	2009 г.	2011 г.	2012 г.
Центральный	81,6	55	58,2	61	87,0	90,2	96,1
Северо-Западный	83,7	55,3	59,4	64	91,5	95,9	102,3
Южный	112,1	79,7	81,8	75,5	95,3	96,0	103,3
Приволжский	99,6	69,1	71,5	69,6	98,3	103,1	111,7
Уральский	89,3	59,8	63,7	67,9	102,6	109,1	117,2
Сибирский	93,6	63,2	66,2	68,3	101,8	104,6	112,6
Дальневосточный	92,8	63,9	67,4	68,2	96,2	99,4	106,1
Северо-Кавказский	-	-	-	-	112,9	115,6	117,2

Таблица 3

Повозрастные коэффициенты рождаемости у женщин УрФО в возрасте 35-39 лет,
число живорождений на 1000 женщин

Регион УрФО	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Уральский федеральный округ	19,2	24,2	27,7	29,4	32,6	34,9	38,7
Курганская область	16,7	21,2	26	27,6	29,7	34	37,3
Свердловская область	18,8	23,7	27,3	29,1	32,8	35,1	39,2
Тюменская область	22,1	26,8	30,5	32,1	34,6	36,7	40,9
Тюменская область (без АО)	-	-	-	-	-	38,8	41,7
Ханты-Мансийский АО-Югра	21,8	26,4	29,4	30,4	35,3	36,1	40,7
Ямало-Ненецкий АО	24,8	28,8	30,4	31,8	31,9	34,4	39,8
Челябинская область	17,3	22,9	25,6	27,3	31	32,8	36

Урал, таким образом, показал небывало высокую рождаемость в наиболее репродуктивных сегодня возрастных группах молодых женщин. Причины этого явления надо исследовать дополнительно.

Важнейшим индикатором оценки уровня рождаемости в регионах УрФО является среднее число детей (в возрасте до 18 лет включительно) у матерей из частных домохозяйств, полученное на основе данных Всероссийской переписи населения (ВПН). Судя по данным В. М. Медкова, перепись 2002 г. позволяет получить некоторое представление о динамике рождаемости (в частности, в реальных поколениях). В окончательном варианте выборочной части ВПН 2002 г. *остался вопрос о числе рожденных детей, который задавался женщинам в возрасте 15 лет и старше.* Это дало возможность В. М. Медкову рассчитать среднее число рожденных детей и показать его зависимость от различных факторов [10].

В результате средние числа рожденных женщинами детей оказались ниже уровня простого воспроизводства (2,13–2,15). При этом данная величина была не достигнута ни в городском, ни в сельском населении федеральных округов (единственное исключение составило сельское население Приволжского федерального округа, где среднее число рожденных женщинами детей совпадает с критической величиной суммарного коэффициента рождаемости) [10].

Обращает на себя внимание то, что серьезный сдвиг в уровне детности частных домохозяйств в России за межпереписной период 2002–2010 гг. *не произошел.* В 2010 г. в стране было зафиксировано 54,6 млн частных домохозяйств, в которых проживало 141,0 млн человек, или 99% всего населения России. Отметим, что в межпереписной период увеличилось на 15% число домохозяйств, не имеющих детей до 18 лет. Среднее число рожденных женщинами детей в возрасте до 18 лет включительно уменьшилось в расчете на 1000 женщин с 1513 в 2002 г. до 1469 в 2010 г. В городских населенных пунктах этот показатель составил 1328 детей (в 2002 г. – 1350), а в селе – 1876 (в 2002 г. – 1993). В свою очередь, проведенные нами расчеты по данным ВПН-2010 показали, что территории УрФО в 2010 г. не повысили уровень детности по сравнению с 2002 г. Доля детей третьей и более очередностей не превысила по домохозяйственной статистике детности женщин 6 %. Таким образом, результаты наших расчетов косвенно подтверждают данные о более быстром росте интенсивности живорождений у женщин репродуктивного возраста на территориях Среднего, Южного Урала и Тюменской области, по сравнению с федеральными округами Северо-Запада, Центра России,

Сибири и Дальнего Востока за период 2006–2012 гг. УрФО по уровню детности стал выделяться среди округов и столичных территорий с высоким уровнем жизни, уступая лишь Сибири, Югу России (включая Кавказ) и Дальнему Востоку. По материалам ВПН за 2010 г. видно, что Урал стал за межпереписной период выделяться по уровню детности среди других территорий страны, что соответствует и результатам анализа динамики возрастных коэффициентов рождаемости. Последние фиксируют картину лидерства в УрФО рождаемости у женщин возрастов 25-29 лет. Сегодня они являются наиболее «плодовитыми». Смещение интенсивности рождаемости в эти возрастные группы отчасти объясняет и повышение величины суммарного коэффициента, тогда как в реальных когортах итоговая рождаемость, по-видимому, иная.

Итак, обращает на себя внимание то, что *среднее число детей в 2010 г. в частных домохозяйствах было меньше показателей 2002 г., тогда как суммарные показатели рождаемости и возрастные коэффициенты живорождений в интервале 20–29 лет репродуктивного возраста выросли*. Такое разночтение переписных данных о среднем числе детей в домохозяйствах и данных по текущей статистике рождаемости настораживает. То же самое относится и к росту доли детей третьей и более высокой очередности у женщин в частных домохозяйствах России. Изменилась и структура репродуктивной мотивации, особенно в сельских районах страны. На территориях Урала более высокие репродуктивные ожидания связаны с повышенной долей социально-экономических ценностей деторождения, а низкие – с повышенным представительством психологических ценностей. Это предполагает, что меры демографической политики в экономической сфере стимулирования рождаемости сыграли свою роль в коридоре максимальных и минимальных оценок желаемого числа детей (или в пределах потребности семьи в детях, но не более). Именно поэтому рост *материнского капитала* и его региональных компонентов, расширение возможностей использования его наряду с льготами улучшения жилищных условий молодых семей могли бы сказаться в рамках потребности в детях с повышением дополнительного числа рождений детей второй и третьей очередности.

Более глубоко ситуацию с рождаемостью на Урале позволило выявить специализированное обследование Росстата в 2012 г. В соответствии с Планом мероприятий по реализации в 2011-2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 367-р (п.88 – проведение выборочного обследования населения по факторам, способствующим увеличению рождаемости) в сентябре-октябре 2012 г. Федеральной службой государственной статистики было проведено выборочное обследование репродуктивных планов населения в 30 субъектах Российской Федерации. В ходе обследования было опрошено 10054 человека, в том числе 5144 женщины и 4910 мужчин. Городские жители составляют 72,3% опрошенных, сельские – 27,7%. Опрашивались женщины в возрасте от 18 до 45 лет и мужчины – от 18 до 60 лет¹. Из этих 10054 человек 525 являются жителями Свердловской

¹ Инструментарий и аналитический отчет по результатам исследования в РФ были подготовлены доктор экономических наук, профессором кафедры народонаселения экономического факультета МГУ Н.В. Зверевой и кандидат экономических наук, зав. сектором Центра народонаселения МГУ В.Н. Архангельским.

области (большее количество респондентов представляли только Московскую область и Санкт-Петербург) [14].

В целом по российской выборке проявила себя тенденция растягивания интервалов между рождением детей. Увеличивается интервал между началом супружеской жизни и рождением первого ребенка. У тех, кто рожал первенца в 1990-е гг., он составлял, в среднем, почти год, в 1995-2009 гг. – 15 месяцев, а в последние три года – 20,3 месяца. Это происходит, во многом, из-за откладывания регистрации брака. *Величина интервала между вступлением в первый брак и его регистрацией у тех, кто рожал первого ребенка до 1990 г., составляла, в среднем, 0,8 месяца, в 1990-1994 гг. – 1,8 месяца, в 1995-1999 гг. – 1,9 месяца, в 2000-2004 гг. – 3,5 месяца, в 2005-2009 гг. – 2,1 месяца, в 2010-2012 гг. – 3,0 месяца.* Таким образом после регистрации ребенка молодые люди не спешат сегодня с оформлением отношений и тянут все больше и больше.

В еще большей мере очевидна тенденция увеличения первого интергенетического интервала, т.е. интервала между рождением первого и второго ребенка. Если бы повышение рождаемости, которое происходило в России в 2007-2012 гг., было бы связано с изменением календаря рождений, более ранним появлением на свет детей, благодаря реализации дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми, то это сказалось бы, видимо, на величине интервала между рождением первого и второго ребенка. Она должна была бы несколько сократиться по сравнению с той величиной, которая имела место при рождении вторых детей в предыдущие годы. Прежде всего, на вторых рождениях это могло отразиться, потому что мерой, которая вызвала наибольший общественный резонанс, был материнский (семейный) капитал.

В Свердловской области ожидаемое число детей повысилось по сравнению с кризисными 90-ми годами прошлого века до двух детей в среднем на респондентов женщин и мужчин, что было отмечено В.Н. Архангельским [15].

Почти половина опрошенных женщин (48,1%) и мужчин (47,5%) при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей, а около 30% (29,0% женщин и 28,9% мужчин) – троих.

В качестве того числа детей, которое респонденты собираются иметь (ожидаемое число детей), они также чаще всего называли двоих детей (44,3% женщин и 49,4% мужчин). 26,3% женщин и 18,3% мужчин собираются ограничиться одним ребенком, а трех и более детей намереваются иметь 16,8% женщин и 18,2% мужчин.

Большее число рожденных детей связано с более ранним их рождением. У опрошенных жительниц Свердловской области, родивших только одного ребенка, средний возраст при его рождении составил 23,61 года, у тех, кто родил двоих детей, средний возраст при рождении первенца равен 21,59 года, а у женщин, родивших троих детей, – 20,48. При рождении второго ребенка средний возраст матери составлял 28,02 года у тех, кто двумя детьми пока и ограничился, и 23,68 года у родивших троих детей. У женщин Свердловской области, отложивших рождение первенца на более поздние сроки, общее желаемое и ожидаемое число было в среднем меньше по сравнению с более молодыми мамами.

Резкая дифференциация желаемого числа детей у «матерей и отцов» с возрастом, видимо, объясняется разными календарями рождений в разных когортах.

Таблица 4

Распределение респондентов по желаемому и ожидаемому числу детей
(Свердловская область, 2012 г.), %

Число детей	Женщины (N=262)		Мужчины (N=263)	
	Желаемое число детей ²	Ожидаемое число детей ³	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
0	1,1	1,9	2,3	6,1
1	11,8	26,3	8,0	18,3
2	48,1	44,3	47,5	49,4
3	29,0	13,0	28,9	14,8
4	3,1	1,9	1,9	2,3
5 и более	2,7	1,9	3,4	1,1
Трудно сказать	4,2	10,7	8,0	8,0
Среднее число детей	2,30 (N=251)	1,91 (N=234)	2,33 (N=242)	1,92 (N=242)

Таблица 5

Желаемое и ожидаемое число детей в сочетании с возрастом при рождении первого ребенка (Свердловская область, 2012 г.)

Возраст матери при рождении первого ребенка, лет	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
До 20	2,57 (N=37)	2,25 (N=36)	3,00 (N=9)	2,67 (N=9)
20-21	2,49 (N=43)	2,12 (N=41)	2,39 (N=31)	2,10 (N=29)
22-24	2,31 (N=54)	1,89 (N=46)	2,54 (N=52)	2,19 (N=54)
25 и старше	2,24 (N=46)	1,68 (N=43)	2,37 (N=62)	1,90 (N=62)

Таблица 6

Желаемое и ожидаемое число детей в сочетании с использованием контрацепции до рождения первого ребенка в данном браке (Свердловская область, 2012 г.)

Предохранялись (предохраняетесь) ли Вы с мужем (женой) от беременности – после вступления в нынешний брак до рождения первого ребенка	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
Да	2,19 (N=54)	1,78 (N=49)	2,31 (N=42)	1,80 (N=41)
Нет	2,41 (N=83)	1,97 (N=76)	2,42 (N=105)	2,01 (N=105)

Кроме того, ожидаемая рождаемость и желаемое число детей связаны с действием фактора контрацепции. В исследовании это проявилось благодаря

² По ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?»

³ По ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?»

ответам на вопрос о том, предохранялись ли супруги после вступления в брак от риска рождения второго ребенка и последующих рождений.

В.Н. Архангельский отмечает, что у тех женщин, которые предохранялись от беременности до рождения первого ребенка, желаемое и ожидаемое число детей, в среднем, на 0,2 меньше, чем у тех, кто не делал этого. У мужчин столь значимые различия имеют место по среднему ожидаемому числу детей, по желаемому числу детей они несколько меньше, но тоже существенны. Схожие результаты были получены и по всему исследованию, т.е. в целом по 30 регионам России, в которых проводился опрос. По мнению исследователя, можно сказать, что, скорее всего, «степень ориентации на семью и детей, их значимость для человека детерминируют возраст вступления в брак, ориентацию на рождение того или иного числа детей, сроки их появления на свет».

Ориентация на семейные ценности влияет на репродуктивные установки и ожидания. Самые низкие, в среднем, показатели и желаемого, и ожидаемого числа детей у тех женщин, которые, по собственному признанию, в свободное от работы и домашних дел время стараются *одни* выбраться из дома, встретиться со своими подругами.

Оценивая перспективы изменения рождаемости, отметим, что среднее ожидаемое число детей в Свердловской области, по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного в 2012 г., составило, как отмечалось выше, 1,91 у женщин и 1,92 у мужчин. Это очень близко к величине суммарного коэффициента рождаемости, при этом тайминговые сдвиги по-прежнему влияют на кумулятивную рождаемость условного поколения женщин. По расчетам В.Н. Архангельского, суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям в Свердловской области в 2011 г. составлял 0,856 (у городского населения – 0,821), что существенно меньше доли женщин, родивших хотя бы одного ребенка, среди завершивших процесс деторождения. По данным переписи населения 2002 г. этот показатель составлял в Свердловской области 0,94 [15].

Таким образом, есть основания полагать, что *итоговое число рожденных детей в реальных поколениях женщин заметно меньше того*, которое они называют в качестве ожидаемого, а суммарный коэффициент рождаемости для условного поколения, который может быть достигнут при таких итоговых числах рожденных детей, еще ниже.

Негативное влияние фактора маятниковой миграции членов молодой семьи на репродуктивную ориентацию остается ощутимым в силу фактора бедности периферийных городских округов и районов Урала. Последние замеры желаемого числа детей у подвижного и мобильного населения подтвердили этот факт. В ходе опроса выяснялось наличие у респондента фактического («Сколько всего у Вас детей (даже если они уже взрослые?)») и желаемого числа детей («Сколько всего хотели бы иметь детей, если бы для этого были созданы все условия?»). В результате было установлено, что распределение опрошенных по желаемому числу детей в группе маятниковых мигрантов имеет более высокую вероятность появления на свет детей высокой очередности. Было выявлено, что при усилении частоты возвратных миграционных перемещений ориентация на трех и более детей возрастала в интервале от еженедельных поездок до поездок через каждые три дня. Затем желаемое число детей снижалось, а частота ориентации на двоих резко

возрастала, что, видимо, связано с более четко выраженным семейным статусом маятниковых мигрантов, вынужденных ездить и возвращаться к семье каждый день-два.

Среднее желаемое число детей составило у маятниковых мигрантов 2,246, тогда как у прочих опрошенных, давших ответ, – 2,371. Следовательно, желаемое число детей у населения, не подверженного в момент обследования состоянию маятниковых перемещений в последний месяц, ниже, чем у других категорий такового, что вполне понятно. Изматывающий характер маятниковой миграции не всем под силу, и такие нагрузки, как правило, выдерживают лишь более молодые семьи (имеющие меньшие репродуктивные ожидания и желания, чем в старших возрастных когортах). В группе не ответивших на вопрос о характере перемещений среднее желаемое число детей составило 2,358.

Таким образом, не желают иметь детей ни при каких обстоятельствах 8,2 % молодых семей. «Большая половина» (55,7 %) считает желанным выбор двух детей. И только треть (33,6%) испытывают потребность в третьем ребенке и в детях более высокой очередности. Последняя группа в настоящее время считается стратегически важной с позиции государственной демографической политики. Однако текущие затраты семьи на троих детей, достигших совершеннолетия, суммарно превысят стоимость малометражной трехкомнатной и даже четырехкомнатной квартиры. Следовательно возмещение репродуктивных затрат родителям будет иметь со стороны государства (государства и корпорации) лишь частичным и напоминать по форме страхование позитивного страхового случая.

Таблица 7

Распределение респондентов по желаемому числу детей в зависимости от частоты возвратных поездок и иной подвижности в регионе, % (Средний, Южный Урал и Зауралье, 2013 г.)

Режимы миграционной подвижности	Желают иметь детей:			
	ни одного	одного	двоих	троих и более
Частота перемещений:				
каждый день	3,2	3,2	67,7	25,8
через 2 дня	11,1	11,1	55,6	22,2
через 3 дня	0,0	11,1	33,3	55,6
через 4 дня	5,9	5,9	52,9	35,3
каждую неделю	3,3	15,0	56,7	25,0
вахтовый метод	0,0	14,3	42,9	42,9
гибкий график	5,6	11,1	61,1	22,2
в др. порядке	0,0	5,8	51,2	43,0
Итого в группе маятниковых мигрантов	4,0	10,3	57,1	28,6
В группе лиц с низкой территориальной подвижностью	2,5	8,2	55,7	33,6

Оказалось, что миграция оказывает влияние на влечение опрошенных к ценности детей. Так, средний балл (по 10-балльной шкале) у маятниковых трудовых мигрантов составил 8,08 (доля 10-ти балльных оценок составила 41 %), в малочисленной группе «вахтовиков» – 8,71 (43%, соответственно), у использующих гибкий график занятости – 7,94 (38%) и «у занятых в другом

порядке» – 8,46 (53%). Заметно значительное снижение величины среднего балла именно в группе с гибким и нерегулярным режимом занятости, что интересно. Собственно у оседлого населения влечение к ценности детей оказалось большим. Что же касается «вахтовиков», то данная группа в нашей выборке представлена очень малочисленной группой и полученные данные мало репрезентативны.

За счет чего же повысилось влияние миграционного фактора репродуктивного поведения? Это произошло, во-первых, традиционным способом – привлечением в «екатеринбургский мегаполис» и его ближайшее окружение большого числа молодых семей (нечто подобное наблюдалось в 1926–1928 гг.). В 2012 г. в Свердловской области продолжилось наращивание величины миграционного сальдо, начавшееся в 2003 г. Миграционный прирост увеличился с 263 человек до 9,3 тыс. человек в 2008 г. Однако в последние годы наблюдается некоторое снижение миграционного прироста. Исключение составил 2011 г. (к этому времени также изменилась регламентация времени пребывания иностранных мигрантов в стране). Значительно выросло количество беременных женщин, прибывающих рожать в столицу Среднего Урала.

Во-вторых, усиливается тенденция переезда в Россию с видом на жительство молодых семей коренного населения из Средней Азии и формирования значительного числа межнациональных браков. На брачную и внебрачную рождаемость оказывают влияние особенности репродуктивных установок прибывших мужчин и женщин. Кроме того, сегодня в мегаполисах Среднего и Южного Урала действует малоизученный феномен массовой маятниковой миграции, который усиливает внебрачную рождаемость и дестабилизирует молодые семьи на периферии Свердловской, Челябинской и Курганской областей.

Что касается оценки фактора семейной политики, то в УрФО таковой представлен на самом высоком уровне. В настоящее время осуществляется План мероприятий по реализации II этапа (2011–2015 гг.) Программы демографического развития Свердловской области на период до 2025 года («Уральская семья»). Причем происходит ее развитие, тогда как ранее челябинская концепция демографического развития по степени своей разработанности признавалась экспертами одной из самых успешных в России и была связана одно время с идеей заключения муниципалитетами репродуктивных договоров с молодыми семьями. Число семей было строго регламентировано по признаку получаемых средств. В настоящее время позиция фактора семейной политики существенно усилена за счет увеличения веса материнского (семейного) капитала и появления значимой региональной компоненты материнского капитала за счет областного бюджета. Был принят областной закон, предусматривающий увеличение размера регионального материнского капитала для семей, родивших тройню. Изменения коснутся увеличения размера выплат со 105,5 тыс. руб. до 150 тыс. руб. в том случае, если женщина родила трех и более детей. Эту меру социальной поддержки могут получить свердловчане, у которых прибавление в семье произошло с 1 января 2011 г. по достижении ребенком возраста двух лет. Планируемый срок действия закона – до 2016 года.

Кроме того, в Свердловской области расширен перечень направлений, по которым можно распорядиться материнским капиталом. Если раньше было предусмотрено направление средств только на приобретение жилого помещения, оплату образовательных услуг, то сейчас эти деньги можно будет также направить

на оплату платных медицинских услуг (в том числе в стоматологических клиниках), на приобретение садовых, огородных и дачных земельных участков. В настоящее время в программу развития жилищного комплекса области действующим губернатором внесены изменения, согласно которым многодетным молодым семьям будет в порядке первой очереди предоставляться 50%-ная субсидия на приобретаемую жилую площадь. Свердловская область мощно форсирует развитие жилого комплекса в целом (имеется в виду областная целевая программа «Развитие жилищного комплекса в Свердловской области» на 2011–2015 годы). На территориях, которые играют роль экономических точек роста и стягивают вокруг себя молодое население и рабочую силу, динамично решается проблема предоставления услуг учреждениями дополнительного образования для детей дошкольного возраста.

Традиционно высокую эффективность в УрФО имела семейная политика Ямала. Отличительной чертой семейной политики в ЯНАО является юридическое признание статуса семьи как субъекта права. В частности, документы семейной политики поддерживают статус отца как главы домохозяйства – например, закон предусматривает активизацию субъектной роли семьи в реализации основных направлений семейной политики автономного округа и поддержку стремления к самореализации, самообеспечению семьи, социальное стимулирование внутренних резервов семьи [13].

В УрФО активно развиваются программы дошкольного образования и проектирования ДОУ в целом. Изучается зарубежный опыт организации дошкольного образования по различным социоантропологическим параметрам. В ходе проведения экспертизы действующих региональных муниципальных программ развития дошкольного образования (16 программ развития дошкольного образования – по две из каждого федерального округа и по 10 муниципальных программ из каждого региона) выявились приоритеты политики предоставления услуг ДОУ и дошкольного образования в целом. Следует отметить, что вопросы поддержки семей мигрантов из других регионов страны и стран СНГ затронуты лишь в каждой второй программе. Основная часть программ развития ДОУ делает упор на поддержку психосоматического благополучия дошкольников, а также на поддержку детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Если в некоторых регионах страны такие программы ДОУ существуют как компоненты долгосрочных целевых программ развития образования (например, в Мурманской области и Кабардино-Балкарии), то в Иркутской, Челябинской, Свердловской областях они нацелены собственно на поддержку и развитие учреждений дошкольного развития ребенка. На Сахалине и в Магаданской области акцент делается на обеспечение доступности услуг ДОУ, а в Ростовской области доминируют инновационные формы дошкольного образования. Значительно превышены контрольные параметры общих коэффициентов показателей оценки эффективности реализации Плана мероприятий по реализации II этапа (2011–2015 гг.) Программы демографического развития Свердловской области на период до 2025 года («Уральская семья»).

Основываясь на проведенных исследованиях, мы предлагаем использовать принцип базовых стратегических ценностей в качестве регулятора индивидуального демографического и семейного поведения, таким образом, чтобы это поддерживало стремление молодежи к упрочению ценности семьи (в том

числе семьи молодой). Инновационные и модернизационные тенденции и механизмы позволяют это сделать на основе реорганизации существующего механизма ипотечных обязательств в отношении формирующихся молодых семей. Для этого следует предоставлять солдатам срочной службы после мобилизации льготы по ипотечным обязательствам и ограничить выплаты по ипотеке до 2-3 % (а не 14-17%, как имеет место на практике). Данное право на льготное приобретение квартиры по месту жительства укрепит надежды будущего солдата и потенциальной невесты на возможности создания успешной молодой семьи после завершения срочной службы и демобилизации. В этом случае можно надеяться, что «невеста дождется жениха», а ипотека приобретет в целом достойный цивилизованного государства вид. Мотив получения за службу «земельного надела» будет модернизирован в своеобразный социальный контракт молодых людей с государством и муниципалитетом на создание семьи на основе регистрации брака, а патриотизм молодежи получит дополнительное социально-экономическое стимулирование. Родители жениха и невесты приобретут четкие контуры своих инвестиционных жилищных намерений в интересах детей. Естественно, что данное предложение может повлиять на рынки труда, недвижимости и затронуть интересы большого числа акторов различной величины и влияния.

Стратегия совершенствования и модернизации ценностей репродуктивного поведения на основе укрепления и поддержки социально-экономической заинтересованности родителей в детях связана с политикой предоставления материнского (семейного) и отцовского капитала и увеличения его размера. Региональная компонента также начинает набирать силу, и расширяется спектр применения материнского капитала, который позволяет инвестировать средства, предоставляемые государством, не только в улучшение жилищных условий, но и делает возможным получать инвестиционный доход от выгодного вложения в земельные участки, включая приобретение садовых построек и домов в основном летнего типа. Расширение возможностей использования и приложения материнского капитала пока слабо выражено в когнитивной сфере и в сфере образования детей. Этот аспект, между тем, является одним из самых перспективных в будущем.

Следующая форма модернизации ценностей деторождения затрагивает их воспитательную сторону и предполагает развитие идеологии патриотизма не только за счет пропаганды ценностей военной карьеры и службы, стремления к высоким окладам за счет повышения риска профессиональной деятельности в молодые годы или выбора профессий повышенного риска, но и осуществления стратегического шага в молодежной политике государства от мультикультурных моделей расселения к политике «турнирования» ценностей. Данная стратегия требует модернизации ценностей трудолюбия, укрепления чувства принадлежности молодых людей к «малой Родине», местному сообществу и «большой семье». Данные инициативы сегодня активно разрабатываются французскими культурологами, социологами и фамелистами. Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в выступлении по прямой линии перед населением страны 25 апреля 2012 г. Президент РФ отметил особое значение вводимых сегодня выплат в регионах страны на третьего ребенка (в среднем не менее 7 тыс. руб.), что усиливает политику «платного материнства» в оперативной перспективе.

В следующем послании Президента в декабре 2013 г. упор был уже сделан на жилищных программах для малочисленных «новых поколений» родителей, рожденных в начале 90-х годов прошлого века [16]. В. Путин обратил внимание на влияние изменившейся демографической ситуации на возможности роста семьи в России и необходимость прогнозировать улучшение жилищных условий молодой семьи с учетом реальных обстоятельств. «Жилье для российской семьи» станет приоритетной программой. Президент отметил: «Сейчас свои семьи начинает создавать поколение 90-х годов, когда спад рождаемости был не просто глубоким, он был катастрофическим. И потому необходимы особые усилия для того, чтобы позитивный демографический поворот в России был необратим» [16].

При разработке мер *пронатальной политики* хотелось бы выделить три контингента женщин, увеличивших в текущий период свои репродуктивные вклады в воспроизводственный процесс в России. На наш взгляд, к данным категориям относятся женщины, отложившие рождение детей более высоких очередностей на неопределенный срок в 90-х годах прошлого столетия (их число сегодня быстро сокращается в силу естественных причин). Затем следуют когорты, обычным порядком вступившие в возрастной интервал 20-30 лет. И, на наш взгляд, в числе наиболее репродуктивных когорт в настоящее время – замужние женщины, которые рожают детей «как бы с запасом» под влиянием опасений того (18,8 % респондентов считают, что средств, выделяемых на демографическую политику, должно в той или иной степени хватить), что деньги, выделяемые правительством на политику платного материнства, не могут быть не ограниченными бюджетом страны и регионов.

В порядке обсуждения общественного проекта Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 года [17] хотелось бы высказать свою точку зрения по определению семьи как социального института. Институт семьи в России – устойчивая общность малых социально-демографических групп населения различного типа, культурным и правовым образом опирающаяся в процессе своего естественного воспроизводства на нормы моногамии. В связи с этим, предлагаем ввести законодательно, включая Семейный кодекс РФ (от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ), нормативно-правовое определение семьи как социального института, наряду с учетно-статистическим (переписным) определением семьи как типа домохозяйства (группы лиц, связанных отношениями родства, свойства, общностью бюджета и местом проживания). Мы предлагаем также законодательно ввести в семейную политику многоцелевую фамилистическую экспертизу территории (субъекта Федерации, городского округа, района) [18].

Для обеспечения эффективности программ социальной защиты и социально-экономической поддержки молодой семьи в регионах России необходимо законодательно закрепить категорию молодой семьи как определенного социально-демографического типа семьи – брачной пары с детьми или без детей, если возраст обоих супругов в брачной паре не превышает 35 лет. Такой шаг, даже при условии недостатков определения, создаст платформу для ускоренного решения жилищно-бытовых проблем молодых супругов и легального инвестирования банков и иных финансовых институтов в данный тип семьи. Введение в нормативно-правовой оборот категорий, укрепляющих позиции семьи в России, позволит повысить ее статус как *субъекта права* и не сводить семью к типу *домохозяйственной*

организации в практике госучета (например, в системе СНС). В свою очередь, укрепление института семьи позволит воспрепятствовать развитию суррогатных форм «любви к детям» на той или иной основе, включая систему кидалтинга и т.п. формы замещения потребности в семейных и пронатальных отношениях.

Целесообразно также законодательно ввести в семейную политику многоцелевую *фамилистическую экспертизу территории* (субъекта Федерации, городского округа, района). Нельзя не согласиться с такими ориентирами семейной политики, предложенными в Проекте Госдумы, как сокращение аборт (почти в 2,7 раза, что подтверждает соотношение ГМЕР и ОКР, или в промилле 38,3:14,1), сокращение числа малоимущих и бедных семей с детьми до 10 % населения, а также и доли детей – социальных сирот до 1/3 от общего числа детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, повышение брачной рождаемости, снижение числа «брошенных» престарелых родителей. Вспоминая расчеты А.Г. Волкова [19] по комбинированным таблицам смертности и брачности, сегодня как никогда следует существенно увеличить ожидаемую продолжительность жизни замужних женщин по сравнению с разведенными.

Библиографический список

1. Об основных направлениях социально-экономической политики в Свердловской области на 2013 год и среднесрочную перспективу (материал для выступления заместителя Председателя Правительства Свердловской области А. В. Орлова) 14 марта 2013 года / Министерство экономики Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.midural.ru/uploads/document/377/doklad-zamestitelya-predsdatelya-pravitelstva-sverdlovskoj-oblasti-av-orlova.pdf>.
2. Центральная база статистических данных // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>
3. Bongaarts J., Feeney Gr. On the Quantum and Tempo of Fertility // Population and development review. Vol. 24, number 2, June 1998. P. 271-291.
4. Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. Economic Recession and Fertility in the Developed World // Population and development review. Vol. 37, number 2, June 2011. P.267-306.
5. Lesthaeghe R., The unfolding story of the second demographic transition // Population and development review/ Vol. 36, number 2, June 2010. P.211-245.
6. Демоскоп [Электронный ресурс]. URL : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_tfr.php.
7. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.
8. Антонов А.И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991–2007 годы // Демографические исследования. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1466#_ftn1_ftn1.
9. Айзен И. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=608758>.
10. Медков В. М. Рождаемость в переписях населения России (статья первая) / Институт демографических исследований. Демография.ру.[Электронный ресурс]. URL: <http://demographia.ru>
11. Всероссийская перепись населения 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru>).
12. Федеральная служба государственной статистики. Демография.[Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/.

13. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа «О семейной политике, социальной поддержке, защите прав и законных интересов семьи, материнства, отцовства и детства в Ямало-Ненецком автономном округе» от 15 ноября 2006 г. № 644.

14. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/.

15. Архангельский В.Н. Репродуктивное поведение населения Свердловской области на современном этапе демографического развития // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сборник материалов IV Уральского демографического Форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – С.142-150

16. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года //13:15 Москва, Кремль [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19825/work>.

17. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х частях /Составитель Мизулина Е.Б. и др. – Часть 1. – М., 2013.

18. Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Синельников А.Б. О современной семье и ее воспитательном потенциале // Социологические исследования, 2010, №7. – С. 49-55.

19. Волков А.Г. Семья как объект демографии. Изд-во ОНИКС, 2012.

© Кузьмин А. И., Кузьмина А.А., Ланских В.Н., 2014. Текст.

Информация об авторах

Кузьмин Александр Иванович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: kuz53@list.ru).

Кузьмина Анастасия Александровна (г. Екатеринбург, Россия) – аспирант Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29).

Ланских Василий Николаевич (г. Екатеринбург, Россия) – магистрант Института государственного управления и предпринимательства УрФУ (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13б; e-mail: imb@usu.ru).

Kuzmin A.I., Kuzmina A.A., Lansikh V.N.

INFLUENCE OF DEFORMATION OF INSTITUTE OF A FAMILY ON DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF THE POPULATION IN URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. *An attempt to interpret consequences of decrease in birth rate in the Ural families from a position of the theory of the third demographic transition and its consequences for regions of Russia.*

Keywords: population, families, household, reproductive behavior, demographic policy, motives of birth rate, demographic transition, «Russian cross».

Information about the authors

Kuzmin Aleksandr Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sociology, Candidate of Economics, Professor, Leading Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: kuz53@list.ru).

Kuzmina Anastasia Aleksandrovna (Yekaterinburg, Russia) – Postgraduate, Centre for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia).

Lanskikh Vasilii Nikolayevich (Yekaterinburg, Russia) – Undergraduate, Institute of Public Administration and Business of URFU (19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia).

УДК 314. 74 (4)

Куприна Т.В., Сандлер М.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с миграционными потоками в России и Европе. В результате проведенного исследования выявлен уровень образования прибывающих мигрантов, их цели, планы на будущее. Рассмотрены различия христианской и мусульманской миграции. Приводятся статистические данные.

Ключевые слова: адаптация, ассимиляция, культура, миграционные потоки, национальные особенности.

Современные процессы развития и трансформации мировых общественных систем сопровождаются рядом проблем, требующих совместных решений на международном уровне. Одной из них являются большие миграционные потоки и связанные с ними проблемы адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям принимающего общества, а также демографические изменения как стран-доноров, так и стран-реципиентов.

В докладе Международного коллектива ученых к Конференции ООН по устойчивому развитию РИО+20 «Долгосрочная стратегия глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций» (Бразилия, 2012 г.) указывается, что во второй половине XX века произошло увеличение роста численности населения в 2, 4 раза. Это не только увеличило нагрузку на экологическую систему, но и обеспечило приток новой рабочей силы, являющейся основным источником экономического роста. За указанный период объем ВВП в мире вырос в 6,2 раза [1].

Меняется и демографическая динамика. По прогнозам ООН, темпы роста населения к 2045-2050 г.г. сократятся почти в 6 раз за последние 80 лет, что приведет к депопуляции в ряде стран. В то же время происходит демографическая поляризация с нарастающим дефицитом трудовых ресурсов в развитых странах и переизбытком – в развивающихся. Численность населения в менее развитых регионах увеличится до 7, 87 млрд, т.е. на 60%, к 2050 г., а в более развитых регионах на 6,7% [1].

Следовательно, в сложившихся обстоятельствах возможен рост потока международной миграции, обостряющий межкультурные противоречия в странах-реципиентах. Для решения мировых демографических и связанных с ними миграционных проблем необходим количественный и качественный анализ миграционных потоков с последующей разработкой адаптационных программ и мер по улучшению взаимодействия различных социокультурных слоев населения.

Обществу необходимо управлять внешними условиями, в которых происходит резко возросшее перемещение народов. Оно происходит как внутри стран, так и между странами, что обуславливает дестабилизацию демографической